

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Л. Тамбовцев¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Л. А. Валитова²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.81, 330.82

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-4

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ КАК ОБЪЕКТ НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА³

Целью статьи является анализ возможностей применения количественного нарративного анализа для оценки субъективного благосостояния граждан и использования результатов такого применения в процессах разработки и реализации социальной политики. Для достижения этой цели анализируется содержание понятия субъективного благосостояния и используемые социологические методы его измерения, а также надежность отражения в ответах респондентов их убеждений и эмоциональных состояний. Рассматриваются преимущества и ограничения традиционных социологических опросов в сравнении с методами, основанными на анализе данных, создаваемых пользователями в социальных сетях.

В статье подробно описываются этапы количественного анализа нарративов, включая сбор текстовых данных из отечественных социальных сетей, их тематическую обработку и статистическую интерпретацию. Особое внимание уделено корреляции индикаторов, полученных из нарративов, с результатами традиционных опросов. Эти индикаторы охватывают такие аспекты, как уровень удовлетворённости жизнью, социальная активность и эмоциональная стабильность.

Полученные результаты показывают, что данные, извлечённые из нарративов, демонстрируют высокую валидность и сопоставимы с результатами классических социологических методов. Выявлено, что использование количественного нарративного анализа позволяет существенно сократить затраты на исследования, сохраняя точность и информативность. Это делает метод перспективным для регулярного мониторинга субъективного благосостояния.

¹ Тамбовцев Виталий Леонидович — д.э.н., профессор, гл. научный сотрудник лаборатории институционального анализа, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: vitaliytambovtsev@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0667-3391.

² Валитова Лилия Аскарровна — к.э.н., ст. научный сотрудник лаборатории институционального анализа, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: lval-it@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0486-9155.

³ Исследование проведено при финансовой поддержке Экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, НИР «Исследование возможностей нарративного анализа оценок субъективного благосостояния и направлений совершенствования социальной политики».

© Тамбовцев Виталий Леонидович, 2025

© Валитова Лилия Аскарровна, 2025

Сделан общий вывод о целесообразности дальнейшего развития количественного нарративного анализа как инструмента для изучения общественного настроения и принятия обоснованных решений в социальной политике. Представленные результаты расширяют возможности применения больших данных в социологических исследованиях и способствуют более глубокому пониманию факторов, влияющих на благосостояние.

Ключевые слова: субъективное благосостояние, методы измерения, надежность измерения, социологические опросы, количественный нарративный анализ.

Цитировать статью: Тамбовцев, В. Л., & Валитова, Л. А. (2025). Субъективное благосостояние как объект нарративного анализа. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 60–81. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-4>.

V. L. Tambovtsev

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

L. A. Valitova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: C83, D63, I31

SUBJECTIVE WELL-BEING AS A UNIT FOR NARRATIVE ANALYSIS

The article examines the potential of quantitative narrative analysis for assessing subjective well-being and its application in developing and implementing social policies. To achieve this goal, the study explores the concept of subjective well-being, the sociological methods used to measure it, and the reliability of respondents' answers in reflecting their beliefs and emotional states. The advantages and limitations of traditional sociological surveys are compared with methods based on user-generated content from social networks.

The study outlines the key stages of quantitative narrative analysis, including the collection of textual data from domestic social networks, thematic processing, and statistical interpretation. Particular emphasis is placed on the correlation between indicators derived from narratives and the results of traditional surveys. These indicators address dimensions such as life satisfaction, social activity, and emotional stability.

The findings reveal that narrative-based data demonstrates high validity and comparability with classical sociological methods. Moreover, quantitative narrative analysis significantly reduces research costs while maintaining accuracy and informativeness, making it a promising tool for regular monitoring of subjective well-being.

The article concludes that the further development of quantitative narrative analysis is justified as an effective instrument for studying public sentiment and informing evidence-based social policies. These findings enhance the application of big data in sociological research and provide deeper insights into the factors influencing well-being.

Keywords: subjective well-being, measurement methods, measurement reliability, sociological surveys, quantitative narrative analysis.

Введение: характеристики понятия субъективного благосостояния

Ориентация социальной политики на повышение благосостояния граждан является типичной для большинства государств. Ее реализация предполагает наличие измерительных инструментов, которые позволяют регулярно оценивать благосостояние для выявления его достигнутого уровня и уточнения тех задач, которые ставятся перед органами государственного и муниципального управления проводимой социальной политикой. Традиционно такими инструментами долгое время считались и считаются статистические показатели, характеризующие уровень и качество жизни через доходы граждан по различным социально-демографическим группам, их обеспеченность теми или иными благами, доступность публичных услуг и т.п. Данные таких статистических показателей использовались для оценки компонентов благосостояния либо непосредственно, либо в форме различных интегральных (агрегированных) показателей (Айвазян, 2001; Бобков и др., 2017; Slotje, 1991; Stimson, Marans, 2011; и многие другие работы).

Интегральные показатели, дающие возможность в одном сводном числовом значении соединить данные, характеризующие самые разные составляющие благосостояния групп населения и населения страны в целом или ее части (региона, муниципального образования, населенного пункта), являются, безусловно, очень полезными для решения многих теоретических и практических задач. Однако у интегральных показателей есть и свои слабые места: это зависимость совокупного значения от весов интегрируемых показателей, создающая возможности для манипулирования этим значением, что затрудняет действенное управление процессами, влияющими на уровень и качество жизни, т.е. препятствует проведению социальной политики государства. Кроме того, объектом дискуссии постоянно оказываются вопросы состава интегрируемых показателей, включая полноту отражения ими содержания понятия благосостояния граждан и их групп.

Отмеченные особенности интегральных показателей давно известны в статистике, поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1980-е гг. в науке возникло два альтернативных подхода к пониманию и оценке благосостояния. Во-первых, это концепция А. Сена, связавшая последнее не с доходами и имуществом, а с человеческими способностями и возможностями (Sen, 1984; 1989), современное состояние которой охарактеризовано в (Robeyns, 2017), а трудности в реализации описаны в (Van der Deijl, 2020). Во-вторых, это возрождение интереса к субъективным оцен-

кам благополучия (или счастья, happiness), проявившееся в публикации статьи (Diener, 1984)⁴.

В ней субъективное благосостояние (далее — СБ) трактовалось как достаточно сложная совокупность оценок, которые индивид дает собственной жизни, включающая оценки: а) часто встречающихся приятных ощущений, (б) редких неприятных ощущений и в) общую оценку удовлетворенности жизнью. Такое понимание СБ характеризовало его как *гедоническое*, т.е. как преобладание позитивных ощущений над негативными безотносительно к тому, что именно вызвало первые. Альтернативой гедоническому СБ является эвдемоническое (eudaimonic) СБ, в основе которого лежит стремление индивида осуществлять психологический рост и реализовать потенциал такого роста (Ryff, 1989; Ryan, Deci, 2001). При его оценивании в расчет принимается соотношение ощущений и эмоций целям и идентичности индивида: их совпадение рождает позитивные ощущения, а несовпадение — негативные (McGregor, Little, 1998; Waterman, 1993)⁵.

В статье Э. Динера (1984) СБ было представлено как совокупность двух компонентов — аффективного (эмоционального) и когнитивного (рационально обдуманного). Первый отражает текущее переживание приятных и неприятных ощущений, второй — оценивание прошедшую на определенный момент времени жизнь с точки зрения соответствия идеальному положению, что выражается в степени удовлетворенности жизнью (Diener et al., 1985). Соотношение между аффективным и когнитивным СБ не является строгим (Lucas et al., 1996), что вполне понятно, поскольку в удавшейся в целом жизни вполне могли иметь место неприятные события, вызывавшие негативные эмоции (Seidlitz. et al., 1997).

Накопившийся опыт измерения СБ (Diener et al., 1999) позволил авторам (Dodge et al., 2012) предложить уточнение определения этого понятия. Отметив, что долгое время исследователи уделяли основное внимание эмпирическим исследованиям СБ, они обосновали целесообразность трактовать это понятие как *состояние равновесия* или баланса ощущений или эмоций между положительными событиями жизни и ее проблемами и вызовами. Это определение, как представляется, позволяет включить в состав понятия СБ все те его стороны и характеристики, которые были отмечены в проведенных ранее теоретических и эмпирических работах.

В следующем разделе мы вкратце охарактеризуем применявшиеся методы измерения СБ и проблематику их применения в рамках разработки и оценки успешности реализации социальной политики, далее обсудим

---

⁴ Этот интерес проявился первоначально в статье (Wilson, 1967).

⁵ Попытка соединения гедонического и эвдемонического подходов в понятии *процветания* (*flourishing*) была предпринята в (Keyes, 2002), а также развита в (Diener, Wirtz et al., 2010; Su et al., 2014)

проблемы надежности результатов оценки СБ и потенциал использования методов нарративного анализа текстов, формируемых в социальных сетях, и приведем результаты эмпирического анализа подобных текстов в отечественных социальных сетях, а также их сопоставление с результатами оценки СБ традиционными социологическими методами. В заключительной части статьи сформулированы выводы, логически следующие из проведенного анализа.

Методы оценки субъективного благосостояния и возможности их применения в социальной политике

После того, как количественные оценки СБ охватили достаточно большое число стран (Veenhoven, 1993), эти массивы данных стали также объектами внимания и для экономистов, начавших изучать их связи с различными сторонами и свойствами экономических процессов (Clark, Oswald, 1994; Oswald, 1997; Di Tella et al., 2003; Frey, Stutzer, 2000; 2002; Антипина, 2017; Скачкова, Щетинина, 2019). Действительно, переход от статистических интегральных показателей благосостояния к непосредственным оценкам гражданами их удовлетворенностью жизнью обещал, на первый взгляд, решительное преодоление тех методологических проблем, с которыми сталкивалось использование интегральных индикаторов, построенных на основе ряда объективных показателей.

Однако довольно скоро экономисты выяснили, что появление новых измеримых величин отнюдь не гарантирует возможностей улучшить ситуацию с количественной оценкой качества жизни, поскольку удовлетворенность жизнью зависит не только от ее насыщенности благами и услугами, предоставляемыми рыночными и нерыночными организациями, но и от *межличностных отношений*, которые могут быть никак не связаны ни с качеством, ни с уровнем жизни (Wan et al., 1996; Walen., Lachman, 2000; Saphire-Bernstein, Taylor, 2013).

Кроме того, Р. Истерлин обнаружил парадоксальное соотношение роста совокупного уровня жизни и уровня удовлетворенности ею: если у всех граждан возрастут доходы, уровень счастья не увеличится (Easterlin, 1995), более того, он может даже снизиться. Ведь если рост доходов будет неравномерным, то, поскольку для удовлетворенности жизнью важен не столько объем доходов, сколько их соотношение у других индивидов, являющихся объектами сопоставления (социального сравнения), то если у данного индивида доходы вырастут в меньшей степени, чем у тех, с кем он себя сравнивает, произойдет субъективное ухудшение благосостояния. Последующая дискуссия по поводу этого вывода (ее промежуточные, поскольку обсуждение продолжается, итоги приведены в статье: Diener et al., 2018) лишь подтвердила, что субъективное благосостояние ощутимо зависит от культуры людей и разделяемых ими ценностей (что было пока-

зано еще в: Diener et al., 2003), а также от контекста, в котором они живут, и его динамики (Sun, Xiao, 2012).

В связи с этим, казалось бы, тематика субъективного благосостояния должна была надежно перейти в разряд сугубо академических исследований, лишенных какой-либо прикладной значимости, поскольку ответ на вопрос, поставленный в заголовке статьи (Oishi and Diener, 2014): «Может и должно ли благоденствие быть целью политики?», получал в выявленной исследованиями ситуации явно отрицательный ответ.

И тем не менее обсуждение тематики практического использования субъективных оценок благосостояния продолжалось и продолжается. Еще в (Veenhoven, 2002) были приведены аргументы в пользу применения упомянутых оценок в осуществлении социальной политики, согласно которым: 1) поскольку социальная политика никогда не ограничивалась чисто материальными вопросами, учет ментальных процессов вполне соответствует содержанию ее целей; 2) успешная реализация материальных целей не всегда может быть измерена объективно, так что применение субъективных измерителей может оказаться предпочтительнее; 3) объективные измерители мало что могут сказать политикам об общественных предпочтениях, равно как и политические процессы в целом, в силу чего политики нуждаются в дополнительной информации, которую дают опросы общественного мнения; 4) политики должны проводить различие между пожеланиями (wants), которые люди могут высказать в явном виде, и нуждами (needs), которые как таковые ненаблюдаемы, однако могут проявиться в форме удовлетворенности жизнью людей; именно последняя может рассматриваться как итоговый критерий результативности социальной политики.

Приведенные аргументы, безусловно, содержат верные наблюдения соотношения объективных и субъективных измерителей в процессах формирования и осуществления социальной политики, однако не учитывают и значимые *ограничения* практического применения индикаторов СБ. Эти ограничения обусловлены тем, что оценки гражданами своего СБ, как отмечено выше, включают компонент межличностных отношений, который не зависит от действий государственных органов, реализующих социальную политику. Это означает, что индикаторы СБ не могут выступать в качестве целевых показателей, к достижению установленных значений которых должны стремиться государственные служащие, выполняющие установки социальной политики. В противном случае упомянутые работники, не будучи в состоянии реально влиять на СБ граждан, могут начать искажать данные, которые будут получаться в ходе проведения опросов населения. Иными словами, если начать задавать требуемые значения индикаторов СБ, то начнет действовать так называемый «закон Гудхарта», заключающийся в том, что «любая наблюдаемая статистическая регулярность начнет разрушаться давлением, оказываемым ее использованием

в целях управления» (Goodhart, 1981, p. 116)⁶. Реальность этой связи, выявленной еще в середине 1970-х гг., подтверждается многими эмпирическими свидетельствами, см. например (Hood, Piotrowska, 2021). Тем самым, индикаторы СБ можно осмысленно использовать лишь для более полного описания последствий проведения той или иной социальной политики, связывая с их изменениями лишь поиск тех факторов, которые могли бы привести к росту или снижению значений этих индикаторов, т.е. чисто аналитически⁷.

Таким образом, обратная связь между измерениями СБ и мерами социальной политики может осуществлять только через творческий поиск таких мер, которые смогли бы повлиять как на аффективную, так и на когнитивную компоненты СБ. Разумеется, для поиска таких мер весьма значимы усилия по дальнейшему развитию теоретических основ СБ, которые включали бы в себя его различные трактовки (Jain et al., 2019; Martela, 2024). То, что различные меры социальной политики реально влияют на СБ, ясно показывают исследования, проведенные в последние годы (Adler, Seligman, 2016; Layard, 2021; Aripin et al., 2023).

Надежность результатов применения различных методов получения информации о субъективном благосостоянии

В связи с прикладным использованием субъективных оценок благосостояния значимой является проблема их получения. Еще в середине прошлого века в социологии было выявлено, что между высказываемыми людьми суждениями при различных опросах, включая самооценки, и реальным состоянием их действий существует осязаемое несоответствие, проявляющееся в том, что в ответах на вопросы респонденты предпочитают давать те варианты, которые, по их мнению, соответствуют ожиданиям и предпочтениям других людей (Edwards, 1953). Это несоответствие касалось не всех черт, убеждений и поведенческих характеристик респондентов, а лишь тех, которые получили название «социально-желательные», а само несоответствие — эффект социальной желательности (social-desirability bias). В рамках его изучения была предложена и развивалась шкала, посредством которой можно оценить масштабы эффекта для различных тематик опросов (Crowne, Marlowe, 1960; Ballard et al., 1988), что дает возможность заранее выявить, ответы на какие из формулируемых ответов требуют особого внимания при их анализе и интерпретации.

---

⁶ Другое выражение этого закона звучит так: «Когда измеритель становится целевым, он перестает быть хорошим измерителем» (Strathern, 1997, p. 308).

⁷ Между тем, в литературе можно найти иные предложения по использованию показателей СБ. Например, в (Dolan, White, 2007) говорится об их полезности для уточнения перечня целей социальной политики.

Этот эффект нашел отражение в справочниках и учебниках, посвященных методике и технике проведения эмпирических социологических исследований, прежде всего интервьюирования (Vrij, 2000), а тематика лжи в коммуникациях стала важным объектом теоретических и прикладных исследований (Arcimowicz et al., 2015; Levine, 2017; Palena, Caso, 2021), важным результатом которых стала выработка нескольких методик обнаружения ложных ответов и суждений, обзор и анализ которых представлен в (Vrij et al., 2022).

Нельзя не отметить также разработку *типологий ложных высказываний* (DePaulo et al., 1996; Cantarero et al., 2018), основанных на разнообразии как стимулов искажать правдивость в коммуникации, так и последствий таких искажений. С нашей точки зрения, типология ложных высказываний может быть несколько расширена посредством включения в состав основных признаков также и *возможность проверки* правильности ответов и суждений респондентов.

Характеристики индивида, значение (или величину) которых стремятся получить исследователи, опрашивая респондентов, можно анализировать по многим различным признакам, из числа которых в аспекте оценки вероятности получения ложных ответов наиболее значимы два. Во-первых, это *проверяемость правильности* получаемых ответов с помощью использования других методов получения данных, а во-вторых, *социальная значимость*⁸ характеристики с точки зрения респондента, т.е. ожидаемая им реакция других индивидов на информацию о величине (значении) у него данной характеристики, ее наличии или отсутствии.

Если наличие у индивида характеристики проверяемо, и это ему известно (понятно), то вероятность ложного ответа на вопрос снижается (вплоть до ее исчезновения). Социальная значимость характеристики, оцениваемая респондентом, с одной стороны, и имеющаяся у разных индивидов, с другой, могут ощутимо отличаться друг от друга. Так, респондент может ошибочно считать, что некая характеристика А учитывается людьми при принятии решений, затрагивающих «носителей» этой характеристики, поскольку он сам именно так и поступает, хотя другие люди не принимают в расчет наличие/отсутствие А в своих решениях. Для этой стороны выявляемой характеристики важна также не только значимость как таковая, но и ее знак: оценивается ли окружающими наличие этого свойства положительно или отрицательно?

Представления индивидов о реакциях окружающих на их наблюдаемые свойства и действия формируются двумя механизмами. Первый, действующий в текущих повседневных ситуациях, обеспечивает «чтение» конкретных ментальных состояний людей, их намерения, желания, убеждения

---

⁸ Как представляется, этот признак является более общим, чем упоминавшейся выше социальная желательность, и потому более адекватным предлагаемому анализу.

и т.п. В литературе он получил название «теория разума» (theory of mind), впервые, вероятно, использованное в (Premack, Woodruff, 1978), и получившее развитие в (D'Andrade, 1987) и множестве последующих эмпирических и теоретических работ. Второй механизм выступает основанием для прогнозов последствий возможных вариантов действий индивида, исходя не из конкретной текущей ситуации, а из его представлений о сложившихся правилах поведения окружающих. Эти представления принято называть *субъективными* или *дескриптивными нормами*, определяемыми как «предполагаемое (perceived) социальное давление относительно выполнения или не выполнения определенного действия» (Ajzen, 1991, p. 188). Другими словами, субъективная норма — это убеждения индивида в том, что на одни его действия или свойства окружающие будут реагировать положительно или нейтрально, в то время как на другие — отрицательно. Поскольку эти убеждения являются результатом не научных исследований, а непосредственного наблюдения отдельных ситуаций, рассказов других людей и т.п., они представляют собой так называемые «народные теории» (Keil, 2003)), вовсе не обязательно правильно отражая реально существующие социальные нормы. Однако для тех, у кого сложилась некоторая совокупность субъективных норм, именно они, а не результаты научных исследований, являются реальными факторами принятия решений.

Соотношение названных признаков и возможные намерения дать ложные ответы на вопросы можно представить в форме следующей таблицы.

Таблица 1

**Признаки изучаемых характеристик респондента
и стимулы искажения ответов**

Характеристика	социально значима		социально незначима
	положительно	отрицательно	
наличие/отсутствие			
проверяемо	1.1.1	1.1.2	1.2
непроверяемо	2.1.1	2.1.2	2.2

Источник: разработка авторов.

Рассмотрим подробнее содержание ячеек табл. 1.

1.1.1: наличие/отсутствие или величина характеристики у респондента проверяемы, а сама характеристика социально значима и оценивается положительно. Если эта характеристика фактически имеется, то стимулы к искажению отсутствуют, если же ее нет, то стимулы приукрасить ситуацию возникают, но блокируются фактом проверяемости правильности ответа. В целом можно считать, что в данной ситуации респондент даст правдивый ответ.

1.1.2: наличие/отсутствие или величина характеристики у респондента проверяемы, а сама характеристика социально значима и оценивается отрицательно. Если эта характеристика фактически отсутствует, то стимулы к искажению также отсутствуют, если же она есть, то стимулы приукрасить ситуацию, сказав, что характеристика есть, возникают, но блокируются фактом проверяемости правильности ответа. В целом можно ожидать, что в данной ситуации респондент даст правдивый ответ.

1.2: наличие/отсутствие или величина характеристики у респондента проверяемы, а сама характеристика социально незначима. В таких условиях стимулы исказить ответ отсутствуют.

2.1.1: правильность ответов респондента непроверяема, а характеристика социально значима и оценивается положительно. Если у респондента на деле нет анализируемой характеристики, то в таких условиях стимулы дать ложный ответ весьма сильны.

2.1.2: правильность ответов респондента непроверяема, а характеристика социально значима и оценивается отрицательно. Если у респондента фактически имеется анализируемая характеристика, то в таких условиях стимулы дать ложный ответ весьма сильны.

2.2: правильность ответов респондента непроверяема, но характеристика лишена социальной значимости. Соответственно, отсутствуют и стимулы давать неверные ответы.

Таким образом, ложные ответы можно ожидать в тех ситуациях, когда отсутствуют возможности проверить их правильность, а вопрос касается наличия/отсутствия у респондента характеристик, которые он считает социально значимыми, причем тогда, когда у него нет социально-положительной характеристики или есть социально-отрицательная.

Тематика СБ, включая самооценку индивидов, относится к числу социально значимых, в особенности в тех странах, где такие оценки большинства жителей высоки и позитивны (Dejonckheere et al., 2022). Это означает, что данные социологических опросов как источников информации о СБ необходимо анализировать с точки зрения их подверженности стимулам искажения респондентами их ответов⁹. Нельзя не отметить и такой момент, как весьма высокие затраты на проведение традиционных эмпирических социологических исследований, которые могут затруднить получение оценок СБ на уровне регионов и муниципальных образований.

Как представляется, методы нарративного анализа (Вольчик, Маслюкова, 2021; Тамбовцев и др., 2023), предполагающие обработку данных, содержащихся в интернете, могут стать альтернативным способом получения оценок субъективного благосостояния. Исследования нарративов, отражающих представление людей о благосостоянии, уже представлены

---

⁹ Что касается устойчивости результатов опросов СБ во времени, то она достаточно велика (Krueger, Schkade, 2008).

в мировой (Loukianov et al., 2020; Zivanovic et al., 2020; Booker et al., 2022; De Paola et al., 2022) и отечественной литературе (Smetanin, 2022; Smetanin, Komarov, 2022). Хотя эти исследования начались недавно, и их проведено явно недостаточно, нельзя не отметить, что выводы из обработки нарративов, представленных в социальных сетях, мало отличаются от выводов относительно СБ, полученных традиционными методами социологических опросов, демонстрируя высокую степень корреляции с ними (Smetanin, 2022, p. 3).

Практическая реализации методов нарративного анализа для оценки субъективного благосостояния

В настоящее время существуют различные источники нарративов, а также языковых моделей для анализа текстовых данных. В данном исследовании мы работали с датасетом *Национального корпуса русского языка (НКРЯ)* (Национальный корпус русского языка), позволяющего искать частоту использования слов и фраз в большом корпусе текстов на русском языке. Для анализа субъективной оценки благосостояния мы использовали тексты подкорпуса «Социальные сети», хотя сопоставление результатов поиска в подкорпусах разных жанров (например, «Газетного» корпуса и «Социальных сетей») тоже может быть интересным (например, с точки зрения исследования влияния публикаций СМИ на настроения населения, потребительские ожидания и т.д.).

В качестве языковой модели для анализ данных НКРЯ использует аналог Google Books Ngram Viewer — инструмента от Google, позволяющего анализировать частоту употребления слов и фраз в книгах в динамике. Упорядочивание результатов выгрузок текстов и словоформ во времени дает возможность строить различные хронологические индикаторы. В частности, соотнесение числа словоформ за определенный период к общему числу словоформ за этот же период позволяет построить панхронический индикатор частоты употребления нужных понятий и в дальнейшем использовать этот количественный индикатор в статистическом анализе текстов.

Целью нашего анализа являлось построение индикатора или индикаторов, отражающих частоту употребления слов из некоторого словаря-тезауруса выражений, связанных с оценками благополучия, и сравнить их динамику с динамикой опросных показателей.

Понятие «благополучие» является комплексным и складывается из многих составляющих: это материальное, семейное благополучие, психологический комфорт, возможность реализации карьерных амбиций, чувство безопасности и многое другое. Как нам представляется, некоторые «компоненты» благополучия в большей степени связаны с социально-экономической конъюнктурой, а также политической ситуацией; другие имеют субъективную природу и связаны с жизненным этапом конкретного че-

ловека, а не эпохой в целом. В этом случае первые могут быть объектом мониторинга и анализа, вторые — не зависят от внешних факторов и в усредненном виде даже могут являться константой на протяжении достаточно продолжительного времени.

Мы сделали попытку составить словари слов, которые могли бы встречаться в постах людей в социальных сетях. Эти словари условно связаны с темой здоровья; финансового благополучия; семьи и личной жизни; стабильности и уверенности в будущем; психологического благополучия; уровня жизни и удовлетворенности им; карьеры и работы; социальной поддержки и государства; материальных благ и уровня жизни; доступа к услугам и образованию; социального неравенства и коррупции. Каждый словарь мы рассмотрели в двух вариантах — более «книжном» и более разговорном¹⁰. В табл. 2 приведена статистика по числу текстов и количеству искомых словоформ для каждого словаря (в разном числе, роде и склонении — это позволяют поисковые возможности НКРЯ). Как можно заметить, наиболее часто в своих постах люди обсуждают тематику семьи и личной жизни, а также здоровья и стабильности (безопасности).

Таблица 2

**Статистика употреблений слов из словарей, связанных с благополучием
за период 2007–2023 гг.
(всего по подкорпусу — 1 686 802 текста и 12 8969 832 словоформ)**

	Словарь	Книжный стиль		Разговорный стиль	
		Количество текстов	Число словоформ	Количество текстов	Число словоформ
А	Здоровье	207 103	517085	192400	465809
Б	Финансовое благополучие	39 236	75941	167492	355807
В	Семья и личная жизнь	245 637	624638	262424	794875
Г	Стабильность и уверенность в будущем	196 244	417599	185148	385825
Д	Психологическое благополучие	31 129	57519	141038	274323
Е	Уровень жизни и удовлетворенность	35 079	61019	217419	495224
Ж	Карьера и работа	115 809	226456	159446	340060

¹⁰ В силу его значительного объема разработанный словарь не включен в данную статью. Он может быть предоставлен по запросу читателя, направленному по адресу: lvalit@gmail.com

	Словарь	Книжный стиль		Разговорный стиль	
		Количество текстов	Число словоформ	Количество текстов	Число словоформ
З	Социальная поддержка и государство	109 872	200082	71295	105147
И	Материальные блага и уровень жизни	108 984	226423	233530	518951
К	Доступ к медицинским услугам и образованию	72 105	139148	91408	195303
Л	Социальное неравенство и коррупция	7313	10794	55352	97818

Источник: составлено авторами.

Дальнейший анализ был связан с проверкой следующих гипотез:

- Даже если человек не говорит напрямую о своем благополучии (не ведет прямой дискурс), он может вести этот дискурс имплицитно, употребляя слова из определенного словаря или обсуждая связанные с благополучием темы.
- Частота употребления слов из соответствующего словаря меняется со временем (либо частота слов из одних словарей - меняется, а из других - остается константой). Из возможных констант - темы счастья, семьи, образования.
- В среднем люди чаще говорят о работе, когда на рынке труда возникает напряженность; говорят о материальных благах тогда, когда падает покупательная способность заработной платы; говорят о здравоохранении и доступе к его услугам — в период пандемии; о безопасности и опасениях — в периоды войн и политических потрясений и т.д.
- Существует положительная корреляция между реальными, опросными показателями благополучия и частотой упоминания соответствующей тематики в социальных сетях.

В этой работе мы не рассматривали эмоциональную окраску текстов, хотя такого рода исследования с привлечением больших языковых моделей существуют (Smetanin, 2022). Мы предположили, что значение имеет не столько негативный или позитивный контекст, сколько сам факт обсуждения некоторой тематики, связанной с благополучием.

Интересно, что не все аспекты благосостояния, обсуждаемые в сетях, имеют одинаковую динамику. Так, частоты употребления слов, связанных с психологическим благополучием, семьей и личной жизнью, высоко коррелируют между собой, но слабее связаны с часто-

той употребления словоформ, связанных с материальным благополучием.

В целом, тематика семьи и личной жизни, здоровья, а также стабильности и уверенности в будущем (= безопасности) в соцсетях встречается чаще, чем, например, обсуждение социального неравенства и коррупции в стране или разговоры о психологическом благополучии. Обсуждение тем, связанных с субъективным благополучием, с 2022 года существенно возросло (особенно темы семьи, здоровья и уверенности в будущем), за исключением тематики социального неравенства, финансового благополучия и уровня жизни (см. Рисунок 1).

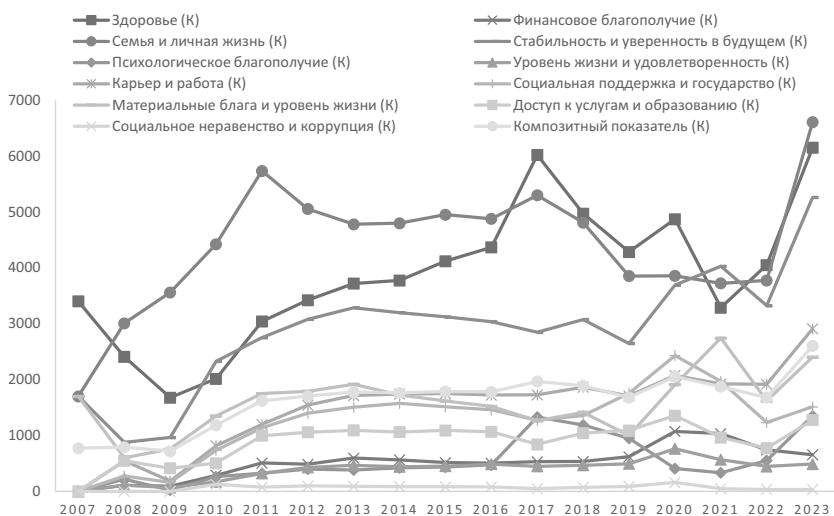

Рисунок 1. Частота употребления слов, относящихся к субъективному благополучию (число слов на миллион словоформ, Национальный корпус русского языка, подкорпус «Социальные сети», расчеты авторов)

Рассмотрим, как полученные индикаторы связаны с результатами некоторых известных социологических опросов, а также показателей материального благополучия, замеряемых официальной статистикой — реальными располагаемыми доходами населения (Росстат).

Для сравнительного анализа были использованы результаты следующих социологических замеров:

- Динамика материального положения (Фонд общественного мнения);
- Индекс потребительских настроений, consumer sentiment (Банк России);
- Индексы ВЦИОМ: «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?»; «Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) бу-

дете жить лучше или хуже, чем сейчас?»; «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?»; «В жизни бывает всякое — и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, Вы счастливы или нет?»; Индекс счастья ВЦИОМ (ВЦИОМ, 2024);

- Левада-центр: Индекс социальных настроений и его компоненты (индекс семьи, индекс России, индекс ожиданий, индекс власти, индекс ожидания безработицы) (Левада-центр);
- Индекс счастья (Ромир).

Обнаружилось, что между частотой употребления слов соответствующей тематики в соцсетях и результатами опросов есть высокая корреляционная связь, но совсем не та, какую следовало бы ожидать: в годы, когда опросы фиксировали рост положительных ответов на вопрос о материальном благополучии и более высокий индекс счастья, частота обсуждения темы материального и финансового благополучия в сетях была ниже, а в годы ухудшения материального положения (по опросам), обсуждение соответствующей тематикикратно возросло.

Что же касается индекса счастья, то в большей степени положительно коррелирует с ним обсуждение тем здоровья, психологического благополучия, карьеры и работы; интенсивность обсуждения финансового благополучия и материальных благ с индексами счастья коррелирует слабо.

Аналогичным образом, когда растут доходы населения в реальном выражении, снижается обсуждение тематики, связанной с социальной поддержкой и государством, доступом к услугам здравоохранения и образования.

Отметим, что эти выводы были получены без дополнительного исследования тональности текстов. Можно предположить, что при ухудшении материального положения (по опросам) не только растет частота упоминания финансово-экономической тематики, но это обсуждение имеет негативную окраску, т.е. усиливается негативная коннотация («кризис», «падение», «снижение уровня жизни», «бедность» и т.д.).

Выводы

Нарративы важны для изучения чего-либо тогда, когда они правдиво отражают убеждения и эмоциональные состояния нарратора. Нарратор тогда правдиво отражает в истории свои чувства и убеждения, когда эти ментальные состояния не являются объектами социального регулирования, хотя бы субъективными нормами. Если такое регулирование имеет место в (локальном) сообществе, то вероятность «подгонки» нарратива или ответа на вопрос анкеты под требования нормы можно считать высокой.

Благосостояние, как объективное, так и субъективное, безусловно является объектом социального нормирования, поэтому завышение са-

мооценок благосостояния является ожидаемым феноменом, особенно если нарратор или респондент убежден в непроверяемости своих историй или ответов.

Конкретные выводы из проведенного эмпирического исследования состоят в следующем.

- Субъективное благосостояние связано с разыми аспектами. Основные — аспект финансового и материального благополучия и социально-психологический аспект. С точки зрения динамики частоты обсуждения соответствующей тематики соцсетях, эти аспекты между собой не связаны.
- Материальное благополучие чаще обсуждается в периоды экономической нестабильности и ухудшения экономической ситуации (согласно опросам населения); при росте положительных оценок материального положения (по опросам) интенсивность обсуждения темы уровня жизни снижается.
- Обсуждение тем карьеры и работы коррелирует с ростом положительных ответов о материальном положении и индексами счастья.
- Интенсивность обсуждения психологического благополучия и здоровья высоко и положительно коррелирует с индексом счастья (ВЦИОМ). То же, но в меньшей степени, относится к обсуждениям темы безопасности, социальной поддержки и государства в целом.
- Отметим также, что одни и те же индексы, рассчитанные разными социологическими агентствами, в указанный период (2007–2023 гг.) слабо коррелировали между собой; в конечном счете мы склонились к сравнению с индексами, рассчитываемыми ВЦИОМ.
- Нарративный анализ может использоваться как инструмент мониторинга СБ, имеющий уровень «надежности», не сильно отличающийся от традиционных социологических опросов. Кроме того, этот метод дает возможность добавить к получаемым данным анализ эмоциональной окраски высказываний граждан. Затраты, связанные с этим инструментом — минимальные по отношению ко всем возможным способам изучения настроений общества.

Список литературы

Айвазян, С. А. (2001). Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения. Часть 1. Методология анализа и пример ее применения. *Мир России*, 10(4), 59–96.

Антипина, О. (2017). Экономика, культура и счастье: есть ли взаимосвязь? *Мировая экономика и международные отношения*, 61(7), 35–44.

Антипина, О. Н., & Хомутов, А. А. (2024). Как удовлетворённость жизнью зависит от типа населённого пункта? *Вопросы теоретической экономики*, 19(2), 103–115. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_103_115

Банк России. (н.д.). Инфляционные ожидания и потребительские настроения. https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/

Бобков, В. Н., Гулюгина, А. А., Зленко, Е. Г., & Одинцова, Е. В. (2017). Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в российских регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика. *Уровень жизни населения регионов России*, 13(1), 50–64.

Вольчик, В. В., & Маслюкова, Е. В. (2021). Возможности нарративной экономики в исследованиях российской инновационной системы. *Terra Economicus*, 19(4), 36–50.

ВЦИОМ. (2024, 18 апреля). Счастье в России: *Мониторинг*. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024>

Киселева, Л. С., & Стриелковски, В. (2016). Восприятие счастья россиянами. *Социологические исследования*, 42(1), 86–91.

Левада-центр. (н.д.). Социально-экономические индикаторы. <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

Национальный корпус русского языка. (н.д.). Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/>

Ромир. (н.д.). Исследования GIA Romir. <https://romir.ru/GIAROMIR>

Россошанский, А. И. (2019). Методические аспекты оценки субъективного восприятия качества жизни населения региона. *Вопросы территориального развития*, 5(50), 1–10.

Скачкова, Л. С., & Щетинина, Д. П. (2019). Контурсы субъективного благополучия научно-педагогических работников. *Региональная экономика: теория и практика*, 17(11), 2026–2038.

Тамбовцев, В. Л., Бузулукова, Е. В., Валитова, Л. А., Дэн, Ц., Ситкевич, Д. А., & Турабаева, А. М. (2023). Методология нарративного анализа в экономике: случай предпринимательских сетей. *Вопросы экономики*, 19(7), 81–99. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-7-81-99>

Фонд общественного мнения (ФОМ). (н.д.). Взаимосвязь счастья и уровня дохода: Итоги исследования. <https://fom.ru/Ekonomika/15078>

Хашенко, В. А. (2005). Модель субъективного экономического благополучия (сообщение 1). *Психологический журнал*, 26(3), 38–50.

Шихгафизов, П. Ш., Конищева, Е. В., & Котляров, С. А. (2023). Влияние цифровой грамотности на субъективное благополучие молодого населения региона. *Цифровая социология*, 6(4), 61–66.

Adler, A., & Seligman, M. E. P. (2016). Using wellbeing for public policy: Theory, measurement, and recommendations. *International Journal of Wellbeing*, 6(1), 1–35. <https://doi.org/10.5502/ijw.v6i1.429>

Ajzen, I. (1991). The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50(2), 179–211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T)

Arcimowicz, B., Cantarero, K., & Soroko, E. (2015). Motivation and consequences of lying: A qualitative analysis of everyday lying. *Forum: Qualitative Social Research*, 16(3), Art. 31.

Aripin, S., Pierewan, A. C., Susanti, S., & Salmon, I. P. P. (2023). The subjective wellbeing policy: Case studies and its relevance in the Special Region of Yogyakarta, Indonesia. *Social Psychology and Society*, 14(2), 152–168.

Ballard, R., Crino, M. D., & Rubenfeld, S. (1988). Social desirability response bias and the Marlowe-Crowne social desirability scale. *Psychological Reports*, 63(1), 227–237.

- Booker, J. A., Brakke, K., Sales, J. M., & Fivush, R. (2022). Narrative identity across multiple autobiographical episodes: Considering means and variability with well-being. *Self and Identity*, 21(3), 339–362. <https://doi.org/10.1080/15298868.2020.1868390>
- Cantarero, K., Van Tilburg, W. A. P., & Szarota, P. (2018). Differentiating everyday lies: A typology of lies based on beneficiary and motivation. *Personality and Individual Differences*, 134, 252–260. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.06.027>
- Clark, A. E., & Oswald, A. J. (1994). Unhappiness and unemployment. *Economic Journal*, 104(424), 648–659. <https://doi.org/10.2307/2234639>
- Crowne, D. P., & Marlowe, D. (1960). A new scale of social desirability independent of psychopathology. *Journal of Consulting Psychology*, 24(4), 349–354. <https://doi.org/10.1037/h0047358>
- D'Andrade, R. (1987). A folk model of the mind. In D. Holland & N. Quinn (Eds.), *Cultural models in language and thought* (p. 112–148). Cambridge University Press.
- De Paola, J., Hakoköngäs, E. J., & Hakanen, J. J. (2022). #Happy: Constructing and sharing everyday understandings of happiness on Instagram. *Human Arenas*, 5(3), 469–487. <https://doi.org/10.1007/s42087-021-00214-0>
- Dejonckheere, E., Rhee, J. J., Baguma, P. K., Barry, O., Becker, M., Bilewicz, M., & Bastian, B. (2022). Perceiving societal pressure to be happy is linked to poor well-being, especially in happy nations. *Scientific Reports*, 12(1), Article 1514. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-04262-z>
- DePaulo, B. M., Kashy, D. A., Kirkendol, S. E., Wyer, M. M., & Epstein, J. A. (1996). Lying in everyday life. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70(5), 979–995. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.70.5.979>
- Di Tella, R., MacCulloch, R. J., & Oswald, A. J. (2003). The macroeconomics of happiness. *Review of Economics and Statistics*, 85(4), 809–827. <https://doi.org/10.1162/003465303772815745>
- Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>
- Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Diener, E., Lucas, R. E., & Oishi, S. (2018). Advances and open questions in the science of subjective well-being. *Collabra: Psychology*, 4(1), Article 15. <https://doi.org/10.1525/collabra.115>
- Diener, E., Oishi, S., & Lucas, R. E. (2003). Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life. *Annual Review of Psychology*, 54, 403–425. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.54.101601.145056>
- Diener, E., Suh, E. M., Lucas, R. E., & Smith, H. L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*, 125(2), 276–302. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>
- Diener, E., Wirtz, D., Tov, W., Kim-Prieto, C., Choi, D., Oishi, S., & Biswas-Diener, R. (2010). New well-being measures: Short scales to assess flourishing and positive and negative feelings. *Social Indicators Research*, 97(2), 143–156. <https://doi.org/10.1007/s11205-009-9493-y>
- Dodge, R., Daly, A. P., Huyton, J., & Sanders, L. D. (2012). The challenge of defining wellbeing. *International Journal of Wellbeing*, 2(3), 222–235. <https://doi.org/10.5502/ijw.v2i3.4>
- Dolan, P., & White, M. P. (2007). How can measures of subjective well-being be used to inform public policy? *Perspectives on Psychological Science*, 2(1), 71–85. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6916.2007.00030.x>

Edwards, A. L. (1953). The relationship between the judged desirability of a trait and the probability that the trait will be endorsed. *Journal of Applied Psychology*, 37(2), 90–93. <https://doi.org/10.1037/h0058073>

Frey, B. S., & Stutzer, A. (2002). What can economists learn from happiness research? *Journal of Economic Literature*, 40(2), 402–435. <https://doi.org/10.1257/002205102320161320>

Frey, B. S., & Stutzer, A. (2000). Happiness prospers in democracy. *Journal of Happiness Studies*, 1(1), 79–102. <https://doi.org/10.1023/A:1010088704641>

Goodhart, C. (1981). Problems of monetary management: The U.K. experience. In A. S. Courakis (Ed.), *Inflation, depression, and economic policy in the West* (p. 111–146). Rowman & Littlefield.

Hood, C., & Piotrowska, B. (2021). Goodhart's law and the gaming of UK public spending numbers. *Public Performance & Management Review*, 44(2), 250–271. <https://doi.org/10.1080/15309576.2020.1796427>

Jain, M., Sharma, G. D., & Mahendru, M. (2019). Can I sustain my happiness? A review, critique and research agenda for economics of happiness. *Sustainability*, 11(22), Article 6375. <https://doi.org/10.3390/su11226375>

Keil, F. C. (2003). Folkscience: Coarse interpretations of a complex reality. *Trends in Cognitive Sciences*, 7(8), 368–373. [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(03\)00158-X](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(03)00158-X)

Keyes, C. L. M. (2002). The mental health continuum: From languishing to flourishing in life. *Journal of Health and Social Behavior*, 43(2), 207–222. <https://doi.org/10.2307/3090197>

Krueger, A. B., & Schkade, D. A. (2008). The reliability of subjective well-being measures. *Journal of Public Economics*, 92(8–9), 1833–1845. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2007.12.015>

Layard, R. (2021). Wellbeing as the goal of policy. *LSE Public Policy Review*, 2(2), Article 1. <https://doi.org/10.31389/lseppr.31>

Levine, T. (2017). Mysteries and myths in human deception and deception detection: Insights from truth-default theory. *Ewha Journal of Social Sciences*, 33(2), 5–28.

Loukianov, A., Burningham, K., & Jackson, T. (2020). Young people, good life narratives, and sustainable futures: The case of Instagram. *Sustainable Earth*, 3(1), Article 11. <https://doi.org/10.1186/s42055-020-00033-2>

Lucas, R. E., Diener, E., & Suh, E. (1996). Discriminant validity of well-being measures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(3), 616–628. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.3.616>

Martela, F. (2024). Being as having, loving, and doing: A theory of human well-being. *Personality and Social Psychology Review. Advance online publication*. <https://doi.org/10.1177/10888683241263634>

McGregor, I., & Little, B. R. (1998). Personal projects, happiness, and meaning: On doing well and being yourself. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74(3), 494–512. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.3.494>

Oishi, S., & Diener, E. (2014). Can and should happiness be a policy goal? *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*, 1(1), 195–203. <https://doi.org/10.1177/2372732214548427>

Oswald, A. J. (1997). Happiness and economic performance. *Economic Journal*, 107(445), 1815–1831. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.1997.tb00085.x>

Palena, N., & Caso, L. (2021). Investigative interviewing research: Ideas and methodological suggestions for new research perspectives. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 715028. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.715028>

Premack, D., & Woodruff, G. (1978). Does the chimpanzee have a theory of mind? *Behavioral and Brain Sciences*, 1(4), 515–526. <https://doi.org/10.1017/S0140525X00076512>

Robeyns, I. (2017). Wellbeing, freedom and social justice: The capability approach re-examined. Open Book Publishers. <https://doi.org/10.11647/OBP.0130>

Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2001). On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual Review of Psychology*, 52, 141–166. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.141>

Ryff, C. D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57(6), 1069–1081. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069>

Saphire-Bernstein, S., & Taylor, S. E. (2013). Close relationships and happiness. In S. A. David, I. Boniwell, & A. Conley Ayers (Eds.), *The Oxford handbook of happiness* (p. 821–833). Oxford University Press.

Seidlitz, L., Wyer, R. S., Jr., & Diener, E. (1997). Cognitive correlates of subjective well-being: The processing of valenced life events by happy and unhappy persons. *Journal of Research in Personality*, 31(2), 240–256. <https://doi.org/10.1006/jrpe.1997.2184>

Sen, A. (1984). The living standard. *Oxford Economic Papers*, 36(Supplement), 74–90. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.oep.a041662>

Sen, A. (1989). Development as capability expansion. *Journal of Development Planning*, 19(1), 41–58. https://doi.org/10.1007/978-1-349-21136-4_3

Slottje, D. J. (1991). Measuring the quality of life across countries. *Review of Economics and Statistics*, 73(4), 684–693.

Smetanin, S., & Komarov, M. (2022). The voice of Twitter: Observable subjective well-being inferred from tweets in Russian. *PeerJ Computer Science*, 8, Article e1181. <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.1181>

Smetanin, S. (2022). Pulse of the nation: Observable subjective well-being in Russia inferred from social network Odnoklassniki. *Mathematics*, 10(16), Article 2947. <https://doi.org/10.3390/math10162947>

Stimson, R., & Marans, R. W. (2011). Objective measurement of quality of life using secondary data analysis. In R. Marans & R. Stimson (Eds.), *Investigating quality of urban life* (p. 33–53). Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-007-1742-8_3

Strathern, M. (1997). Improving ratings: Audit in the British university system. *European Review*, 5(3), 305–321. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1234-981X\(199707\)5:3<305::AID-EURO184>3.0.CO;2-4](https://doi.org/10.1002/(SICI)1234-981X(199707)5:3<305::AID-EURO184>3.0.CO;2-4)

Su, R., Tay, L., & Diener, E. (2014). The development and validation of the Comprehensive Inventory of Thriving (CIT) and the Brief Inventory of Thriving (BIT). *Applied Psychology: Health and Well-Being*, 6(3), 251–279. <https://doi.org/10.1111/aphw.12027>

Sun, F., & Xiao, J. J. (2012). Perceived social policy fairness and subjective wellbeing: Evidence from China. *Social Indicators Research*, 107(1), 171–186. <https://doi.org/10.1007/s11205-011-9839-0>

Van der Deijl, W. (2020). A challenge for capability measures of wellbeing. *Social Theory and Practice*, 46(3), 605–631. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract202071731>

Veenhoven, R. (2002). Why social policy needs subjective indicators. *Social Indicators Research*, 58(1/3), 33–45. <https://doi.org/10.1023/A:1015723614574>

Vrij, A. (2000). *Detecting lies and deceit: The psychology of lying and the implications for professional practice*. Wiley.

Vrij, A., Granhag, P. A., Ashkenazi, T., Ganis, G., Leal, S., & Fisher, R. P. (2022). Verbal lie detection: Its past, present and future. *Brain Sciences*, 12(12), Article 1644. <https://doi.org/10.3390/brainsci12121644>

Walen, H. R., & Lachman, M. E. (2000). Social support and strain from partner, family, and friends: Costs and benefits for men and women in adulthood. *Journal of Social and Personal Relationships*, 17(1), 5–30. <https://doi.org/10.1177/0265407500171001>

Wan, C. K., Jaccard, J., & Ramey, S. L. (1996). The relationship between social support and life satisfaction as a function of family structure. *Journal of Marriage and Family*, 58(2), 502–513. <https://doi.org/10.2307/353513>

Waterman, A. S. (1993). Two conceptions of happiness: Contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 64(4), 678–691. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.64.4.678>

Wilson, W. (1967). Correlates of avowed happiness. *Psychological Bulletin*, 67(4), 294–306. <https://doi.org/10.1037/h0024431>

Zivanovic, S., Martinec, J., & Verplanke, J. (2020). Capturing and mapping quality of life using Twitter data. *GeoJournal*, 85, 237–255. <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9860-2>

References

Aivazy, S. A. (2001). Russia in the cross-country analysis of synthetic categories of quality of life. Part 1: Methodology and an example of its application. *Mir Rossii*, 10(4), 59–96

Antipina, O. (2017). Economy, culture, and happiness: Is there a connection? *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 61(7), 35–44

Antipina, O. N., & Khomutov, A. A. (2024). How does life satisfaction depend on the type of settlement? *Voprosy Teoreticheskoi Ekonomiki*, 19(2), 103–115. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_103_115

Bank of Russia. (n.d.). Inflationary expectations and consumer sentiment. https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/

Bobkov, V. N., Gulyugina, A. A., Zlenko, E. G., & Odintsova, E. V. (2017). Comparative characteristics of quality-of-life indicators across Russian regions: Subjects, federal districts, Arctic. *Uroven Zhizni Naseleniya Regionov Rossii*, 13(1), 50–64

FOM. (n.d.). Correlation between happiness and income level: Research results. <https://fom.ru/Ekonomika/15078>

Khashchenko, V. A. (2005). A model of subjective economic well-being (Message 1). *Psikhologicheskii Zhurnal*, 26(3), 38–50.

Kiseleva, L. S., & Strielkovski, V. (2016). Russians' perception of happiness. *Sociologicheskie Issledovaniya*, 42(1), 86–91

Levada-Center. (n.d.). Social and economic indicators. <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

Romir. (n.d.). GIA Romir research. <https://romir.ru/GIAROMIR>

Rossoshansky, A. I. (2019). Methodological aspects of assessing the subjective perception of the quality of life in a region. *Voprosy Territorialnogo Razvitiya*, 5(50), 1–10.

Russian National Corpus. (n.d.). Russian National Corpus. <https://ruscorpora.ru/>

Shikhgafizov, P. Sh., Konishcheva, E. V., & Kotlyarov, S. A. (2023). The impact of digital literacy on the subjective well-being of young people in the region. *Tsifrovaya Sotsiologiya*, 6(4), 61–66.

Skachkova, L. S., & Shchetinina, D. P. (2019). Contours of subjective well-being of academic staff. *Regionalnaya Ekonomika: Teoriya i Praktika*, 17(11), 2026–2038.

Tambovtsev, V. L., Buzulukova, E. V., Valitova, L. A., Deng, C., Sitkevich, D. A., & Turabaeva, A. M. (2023). Methodology of narrative analysis in economics: The case

of entrepreneurial networks. *Voprosy Ekonomiki*, 19(7), 81–99. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-7-81-99>

VCIOM. (2024, April 18). Happiness in Russia: Monitoring. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024>

Volchik, V. V., & Maslyukova, E. V. (2021). Opportunities of narrative economics in the study of the Russian innovation system. *Terra Economicus*, 19(4), 36–50